

Перед закатом на реке всегда тихо. Угомонился легкий юго-западный ветер, который днем время от времени налетал из-за острова, поднимая невысокую волну. А теперь даже рябь на воде и та разгладилась. Зеркало, да и только! В это зеркало смотрелись кучевые облака, окрашенные заходящим солнцем в золотистый цвет. Такого же цвета струйки воды стекали с приподнятых весел.

Старик оглянулся и посмотрел на берег. Черная фигурка Тимофея хорошо была видна на желтом песке.

– Сидишь? – вслух сказал старик, будто кот, маленьким сфинксом застывший на прибрежной кромке, мог его услышать. В голосе старика прозвучали теплые нотки. Так обращаются к близкому, дорогому существу. – Ну, сиди-сиди! Будет тебе ужин.

И он снова заработал веслами, ритмично нагибая и распрямляя усталую спину. «Интересно, – думал старик, – кого ты ждешь больше – меня или ужин? Надеюсь, что меня. А по правде, наверное, ужин. Кто тебя, котяру, разберет! Я знаю точно только одно – человека должен кто-то ждать. Тогда жизнь обретает смысл. А иначе, в ней нет никакого толку. Так устроено, а устроено на свете все правильно. Живая душа, Тимофей. А меня он ждет или ужин, который я ему везу, – это не так уж и важно».

Лодка, скользя днищем по мелководью, ткнулась носом в берег. Привстав, старик вытащил из уключин весла и положил их вдоль бортов. Потом выбрался из лодки и подтянул ее на песок, чтобы не било волной о камни на отмели. Кот прохаживался по песку взад и вперед, как часовой, но в лодку не запрыгивал.

– Здорово, приятель! – обратился к нему старик. – Дождался хозяина? Кот на мгновение замер, посмотрел на старика, словно хотел ему ответить, и снова принялся ходить.

– Не терпится? – старик ухватил пальцами и вытащил из-под слани у носовой копани небольшую густерку, выпавшую из садка. – На тебе за труды! – и он бросил рыбу на песок.

Кот схватил ее и тут же с урчанием принялся расправляться с добычей. Рядом с ним скакала по песку безбоязненно зеленая трясогузка, словно ожидала, что с ней поделится лакомством. Но кот ни с кем не собирался делить свой ужин, и птица, не дождавшись угощения, улетела.

Солнце опустилось до линии горизонта, и по воде покатались алые блики. Вверх по течению шел белый теплоход, с него доносилась веселая музыка. «Степан Разин», – прочитал старик название на борту. За кормой теплохода кружились, громко крича, чайки. Пассажиры бросали им кусочки хлеба, и чайки хватали их на лету. Некоторые промахивались и бросались за добычей в бурный след от винта.

Тем временем старик выгрузил на песок из лодки снасти, садок с рыбой, плащ, корзину с наживкой и прикормкой. Продернув цепь через уключины сложенных друг на друга весел, он охватил ей ствол ветлы, пропустил в звенья дужку навесного замка и закрыл его ключом.

– Ну, старый разбойник, – сказал он к коту, – перекусил? Пойдем домой, мне тоже пора заправиться.

Кот и ухом не повел, доедал рыбу.

– Ладно. Догонишь по дороге.

От густерки осталась одна голова, которую привередливый Тимофей есть не стал. Он никогда не ел рыбы головы. Поглядел на хозяина. Потеря боком о его сапог. Старик покачал головой.

– И не проси, больше не дам! Мал, да прожорлист! Это про тебя сказано. Придем домой, сядем как люди ужинать, тогда получишь, понял?

Видимо, кот понял, потому что перестал крутиться у ног старика, отошел в сторону.

И они отправились по тропинке между молодыми ветлами в гору. Старик нес на плече удочки, придерживая их левой рукой, а в правой держал корзину и садок с рыбой. Задрав хвост трубой, кот вышагивал сбоку, поглядывая на хозяина. Тропинка, по которой они поднимались, была узкой, но им хватало места, чтобы идти рядом.

Наверху старик остановился.

– Так-то, приятель, – сказал он, отдышавшись. – Старость – не радость, не зря говорится! Я, надо полагать, самый старый старик в поселке. Да, пожалуй, что так. Все мои годки давно в земле сырой лежат, а я вот, гляди, еще и на рыбалку хожу, с тобой по горам лазаю. Сидел бы себе, как другие, у дома на завалинке, так нет! А почему? А потому, что тебя, лентяя, кормить надо. Ты, кстати, тоже не молоденький по вашим кошачьим меркам.

Кот, казалось, не слышал старика, он глядел на темнеющую в закатных лучах реку, и зеленые глаза его не выражали никакого сочувствия хозяину.

– Но я тебя переживу, – с назиданием в голосе продолжал старик. – Должен пережить. А знаешь, почему? А потому, дружище, что, когда я помру, меня похоронят, найдутся добрые люди, не сомневайся. А вот когда ты лапы протянешь, а меня, предположим, в тот час на свете уже не будет, то кто тебя закопает, а? Вот так. Поэтому я обязан тебя пережить. Понимай, тезка!

Тимофеем старика назвала при рождении его мать, потому что очень любила своего мужа, тоже Тимофея. А коту имя дала дочка, когда старик, а тогда еще совсем не старик, принес маленького симпатягу-котенка в рукавице домой в подарок дочурке на Рождество.

С тех пор прошло двенадцать лет. И теперь они жили вдвоем – два Тимофея, человек и кот, оба старые и никому не нужные, кроме друг друга, – в доме над обрывом. Из окон дома виден был восход солнца.

В поселке, где давно уже почти не осталось коренных жителей, а по летам квартировали дачники, старика Тимофея мало кто знал. А те кто и знал, мало с ним общались – дескать, живет старый бирюком на отшибе, да и ладно. Здравствуй – до свиданья – и вся недолга. И сам Тимофей, казалось, не нуждался в общении. Придет в магазин, купит себе хлеба да масла, пакет молока для кота, вопросов не задает, помощи не просит, денег не занимает.

Хозяйство у старика было самое простое. Дом и сад выглядели запущенными, из живности – один старый кот. Правду сказать, кота соседи очень даже хорошо знали, потому как разбойник он был тот еще! То рыбу, забытую на время хозяйкой, стащит, то ласточку исхитрится словить, а то и цыпленка у зазевавшейся клуши умыкнет. За то был бит людьми неоднократно, но, несмотря на это, промысла разбойничьего не оставлял. Грозилась некоторые под горячую руку даже и жизни его лишиться, но обиды забывались, и старый тать продолжал здравствовать, хотя с годами и поостыл. А если жаловались на него хозяину, тот молча кивал, слушая обиженных соседей, да говорил хмуро:

– Разберемся!

И все оставалось по-прежнему.

Кое-кто из старожилов, конечно, мог припомнить, какими ухоженными были и дом, и сад Тимофея, когда с ним жили жена и дочь. Овдовев, он забросил хозяйство, пропал с утра до вечера на реке, а осенью в лесу, лишь изредка появляясь в поселковом магазине да пару раз в году ходил на кладбище, навестить родные могилы.

... Убрав на двор снасти, старик бросил коту две небольшие красноперки, остальную рыбу круто посолил в глубоком тазу, накрыл деревянной крышкой и придавил сверху тяжелым булыжником. Вяленую рыбу хорошо покупали дачники, и это было подспорьем старику к его крохотной пенсии. Потом умылся, согрел на газу чай, присел за стол.

Он медленно жевал хлеб, прихлебывая из большого бокала крепкий, черный как деготь чай. В доме было тихо, пахло чаем и чабрецом. Крохотная прихожая и такая же кухонька отделены были от комнаты русской печью, выкрашенной в оливковый цвет. Печь эта уже много лет не топилась, потому как в поселок провели газ, что избавило жителей от хлопот с дровами и прочими заботами по отоплению домов. Теперь над крышами в морозные зимы не вился веселый дымок, и стояли дома как мертвые. А печи, там, где их не сломали, громоздились в избах как память о прошлой жизни.

Комната в стариковом доме была большая и светлая – три окна на восток и одно, боковое, с юга. Правда, свету от южного окна в комнату немного попадало, потому что сверху донизу закрывала его разросшаяся яблоня. И все же, несмотря на солнце, заполнявшее по утрам комнату, выглядела она нежилой. Может быть, оттого, что из мебели стояла тут одна кровать, покрытая клетчатым пледом да допотопный комод, на котором примостилось зеркало на подставке. Еще был круглый стол без скатерти. На стене возле комода висела репродукция картины

Перова «Рыболов», когда-то подаренная старику ко дню рождения. Другие стены были голыми, а над кроватью отклеился угол обоев и свисал, как приспущенный флаг.

Мало чем отличался и интерьер кухни. Стол, плита на две конфорки, настенный шкафчик зеленого цвета. Оживляла обстановку большая черно-белая фотография в рамке. На ней – молодая женщина с девочкой на руках. Обе смотрели со снимка, счастливо улыбаясь, а у девочки одна косичка задорно торчала в сторону. Еще приколотая была над столом к обоям парусной иглой бумажная иконка Николая Чудотворца, любимого русскими людьми святого, покровителя рыбаков.

Старик допил чай. Он ел мало, ровно столько, сколько надо было, по его разумению, для поддержания сил.

– Ну, – сказал он коту, который терся у его ног. – Чего тебе еще? Ненасытный ты кот, Тимофей, вот что я тебе скажу. И куда только в тебя столько еды влезает?

Кот встал на задние лапы, а передние положил старику на колени. Зеленые глаза посверкивали в полутьме. Старик опустил руку на голову кота, поскреб за ухом. Кот зажмурился, мурлыкнул басовито.

– Что, дружище? Соскучился? Я сейчас лягу спать. Видишь, и солнце зашло. Старикам надо пораньше ложиться спать, чтобы набраться сил на будущий день. А ты, дрыхоня, спишь днем, когда я для тебя рыбу ловлю. Так? Так. А ночью шляешься невесть где! Ладно уж...

Смиренный Тимофей издал горлом звук, похожий на храпение, повертел головой в жесткой ладони старика и замер.

– Все, кончен разговор! – сказал старик.

Он распрямил спину, встал, ополоснул водой бокал из-под чая и смахнул в ладонь со стола хлебные крошки.

– Завтра пенсию принесут, купим с тобой деликатесов.

В темном квадрате окна белела ущербная луна. Старик некоторое время смотрел на нее, потом задернул занавеску.

Он быстро заснул, и ему в который раз приснились розовые, в цветущем багульнике, сопки Дуссе-Алиня, где он когда-то командовал отделением мино-подрывного взвода отдельного железнодорожного батальона особого назначения. Старику очень хотелось увидеть во сне людей, знакомые лица товарищей по службе, но они никогда не снились ему – только сопки, то зеленые, то розовые, то в ярком осеннем многоцветье. И было еще ощущение тихой радости, будто он после долгой дороги вернулся домой и ожидания чего-то светлого, отчего замирало сердце, словно в юности перед свиданием...

Проснулся старик до рассвета. Еще не занялась за рекой заря, и окна, выходящие на восток, были серыми. Он вышел из дому. Было свежо, но тихо. Нос флюгера-кораблика, установленного на коньке крыши, смотрел в сторону реки. «Юго-западный тянет, это хорошо, – подумал старик. – Сегодня утром можно ждать хорошего клева».

От направления ветра рыбацкая удача напрямую зависит. Ну, еще от фазы луны, конечно, от атмосферного давления и других природных факторов. От ветра же прежде всего. Например, дует восточный – и не надейся – ничего не поймашь, хоть из дому не выходи. Недаром рыбаки говорят: ветер дует из-за Волги, делать нечего на Волге!

Не торопясь старик выпил чашку чая и съел вареное вкрутую яйцо. Потом налил в блюдце молока для Тимофея и, подхватив снасти, отправился к лодке.

Кот сидел на берегу.

– Ишь, роса-то нынче какая! – сказал старик, отряхивая намокшие в траве штаны. – Сухим не пройдешь!

Тимофей потянулся, остался сидеть на месте. Он наблюдал, как хозяин укладывает в лодку снасти, ставит весла.

– Ну, будь здоров! – старик оттолкнулся веслом от берега, и лодка медленно, поднимая муть, пошла по воде. Правая уключина закрипела, и старик смочил ее водой. И в это время за рекой, где небо над соснами тлело алым цветом, показалось солнце.

Рыбачить сегодня старик решил только до обеда – надо было встретить почтальонку, которая разносила по домам пенсию, да сделать кое-какие покупки. Утренний клев удался – не обманул испытанный зюйд-вест. Старик поймал подлещика, пару хороших яззей, несколько плотвичек и окуней, а в конце, уже собираясь домой, неожиданно зацепил полуторакилограммового сазана.

Можно и возвращаться. Он сложил удочки, поднял якорь и взялся за весла. Садок с рыбой лежал у кормы, и старик по дороге все поглядывал на темно-золотого красавца, как тот время от времени бился в садке среди уснувших уже других рыб.

Старик смотрел и думал о том, что сазан – умная рыба. Очень умная и осторожная. Не часто он попадал на удочку, в сети – другое дело. Но старик сетями рыбу никогда не ловил. А с недавних пор он неожиданно стал испытывать странную жалость к пойманной рыбе. Причиной стал один случай. Было это года четыре тому назад. Старик хорошо помнил тот день. Он охотился с острогой за щукой в небольшом заливишке на острове и увидел, как льет икру возле камышей в осоке сазан. Вода у берега аж кипела от нерестящихся рыб. Их было много, больших, сильных особей. И старик не удержался. Стараясь не шуметь, он причалил лодку к берегу и стал осторожно подкрадываться к нерестилищу.

Ему удалось подойти совсем близко. Какое-то время он постоял, затаив дыхание, недвижно, занеся орудие для удара на уровень плеча. Сазаны, как поросята, ворочались на мели, поднимая муть, не обращая на человека никакого внимания. Вечный инстинкт продолжения жизни лишил их страха. Прицелившись, старик ударил острогой ближайшую рыбу.

Он не промахнулся. Острые зубья древнейшей из снастей глубоко вошли в тело рыбы. Она рванулась, но старик был начеку и всей тяжестью навалился на древко. Рыба продолжала биться, и он с трудом удерживал в руках свое орудие. Наконец рыба устала и затихла. Медленно подвел старик добычу к берегу и вытащил на траву. Зубья остроги пробили брюхо здоровенной самки. Старик, придавив ногой скользкое тело рыбы, освободил острогу. Рыба лежала на траве без движения, и икра густыми струями вытекала из ран вперемешку с кровью. И тут старику стало тошно. Он наклонился над рыбой и увидел ее глаз. На миг ему показалось, что глаз этот смотрит на него с укором и болью – что, мол, ты, старый дурак, наделал?..

Игла сострадания вонзилась ему в сердце.

После того случая старик не брал в руки острогу, а когда на удочку попадал сазан, он невольно смотрел на его глаза и испытывал все ту же неосознанную жалость. Особенно она доставала старика, когда сазан глубоко заглатывал крючок, и его приходилось с трудом освобождать из рыбьей глотки, и текла кровь, а рыба тихонько постанывала.

– Ну, зачем ты клонул на мою удочку, дуралей? – морщась, как будто ему самому было больно, говорил старик, проталкивая экстрактором

глубоко вонзившийся в нежную мякоть крючок. – Что, еды тебе в реке мало? А если уж ты очень хотел сладкую кукурузу, так клевал бы у тех, кто помоложе, они еще не знают жалости.

К другим рыбам он таких нежных чувств, как к сазану, пока не испытывал, но уже предполагал, что и такое может случиться. «Что же тогда будет? – размышлял он. – Что я буду делать на реке? А без реки мне трудно представить мою жизнь».

Старик медленно греб, глядя то на бурлящую за кормой воду, то на ловащего ртом воздух сазана. Недалеко от лодки дрались, громко крича, чайки.

– Что вы не поделили, птицы? – вслух произнес старик.

Когда-то он читал, что человек после смерти может стать каким-либо животным или даже птицей. «Рыбаки, наверно, становятся чайками, – подумал он. – Или рыбами? А что лучше – стать чайкой или рыбой? Лучше чайкой. Будешь летать над рекой, видеть восход и закат солнца. А если станешь рыбой – что увидишь хорошего там, под водой? Ничего. Да еще поймает тебя какой-нибудь рыбак на удочку или проткнет острогой...»

Что за мысли лезут в твою голову, старик, – подумал он. – Пожалуй, солнце напекло тебе макушку».

Он посмотрел на солнце и зажмурился, потом снял кепку и намочил в воде. Слегка отжав, надел на голову.

– Вот так-то лучше, приятель, – сказал он громко и снова взялся за весла.

До берега оставалось метров двести, когда он оглянулся, чтобы посмотреть на Тимофея. Но того на песчаной косе не было.

«Вот так номер! – Старик покачал головой. – Куда это он пропал? Или я не вовремя? Но Тимофей обычно тут как тут. Сидит и ждет. Ему нравится ждать. А мне нравится, что он ждет. Что-то здесь не так».

Между тем поменялся ветер. Старик увидел, как с юго-востока поднялась тяжелая грозовая туча. Она быстро приближалась, и старику хотелось успеть до грозы добраться до дому. Он приналег на весла.

Вот и берег. «Пожалуй, я успею до грозы», – подумал старик, призывая лодку к ветле. Быстро собрав снасти, он скорым шагом пошел в гору.

Дома кота тоже не было. Старик стал готовить себе обед. Разогрел похлебку, принес с огорода лук и петрушку. Не успел он сесть за стол, как в доме потемнело. Иссиня-черная туча накрыла реку и село, пролилась дождем, а потом засверкали молнии, и прокатился по небу трескучий гром. Старик ел, слушая громовые раскаты, глядел в окно. В луже у калитки надувались и лопались пузыри. «Надолго зарядил, – подумал старик о дожде. – Ничего, земля давно дождичка просит».

Кот не появился и после обеда.

Когда дождь кончился, принесла почтальонка Настасья пенсию. Старик расписался и получил деньги. Потом отправился в магазин. Он шел по улице и думал о том, куда мог пропасть Тимофей. Навстречу ему плелся, хромая, мужик со странным прозвищем Чупа Чупс. Он был в пиджаке на голое тело. На груди вместо креста болтался на толстом черном шнурке медвежий клык. Поздоровались за руку.

– Куда идешь, Тимофеич? – спросил деловым тоном Чупа Чупс, как будто ему и впрямь было важно знать, куда идет старик.

– В магазин.

– А я вот... – Чупа Чупс махнул рукой, что значило, что он и сам не знает, куда идет. Скорее всего, ищет, кто бы предложил ему опохмелиться.

– Ладно, – сказал старик и хотел было уже идти своей дорогой, как Чупа Чупс вдруг выговорил такое, что заставило старика остановиться.
– Кота твоего Санька Метелкин застрелил.
– Что? – старик не сразу понял смысл сказанного.
– Санька, говорю, Метелкин твоего кота из ружья застрелил.
– Как это... Зачем? – старику показалось, что сердце у него на миг остановилось, а потом побежало быстро-быстро.

– Так это, сам знаешь, кот твой цыпляет у Саньки таскает. Вот и тут, значит, сцапал цыпленка. А у Саньки ружье и разрешение имеется. Бах – и нету! Кота, то есть, я хочу сказать...

Но старик уже не слушал. Он резко развернулся и зашагал к дому Сани Метелкина.

Бывший участковый милиционер Саня Метелкин сидел на веранде и ел ложкой салат из глубокой тарелки. Он поднял глаза на старика и сказал, вытирая толстые губы ладонью:

– Дядя Тимофей? Ага. Ну, проходи, коли пришел.
– Я уж прошел, как видишь, – ответил старик, едва сдерживая гнев.
– И ладно. Ты, как я понимаю, насчет своего кота?
– Правильно понимаешь, насчет кота. Значит, правда?
– Правда, – махнул рукой Саня. – Разбойник твой кот был, сам знаешь. А у нас как? Преступление – наказание. Я его предупреждал. – Саня поднял волосатый кулак. – Не внял. Пришлось приговорить. Вот так, дядя Тимофей, вот так.

Старик смотрел на лоснящиеся щеки бывшего стража поселкового порядка и думал, что едва ли у него хватит сил справиться с этим боровом. Годков бы десяток назад – другое дело, не думая набил бы ему морду. А нынче руки не те, сила из них уходит, и с каждым днем они становятся слабее.

Обида стояла под самым горлом, но старик еще терпел.

– Жалеешь, что ли? – ухмыльнулся Саня и взял ложку. – Не жалей. Нового кота заведешь, законопослушного!

– Надо, чтобы человека кто-то ждал, – сказал старик. – Кот меня ждал.

– Так и другой ждать будет. Приучишь, дело нехитрое.

«Зачем я ему это говорю? – подумал старик. – Разве он поймет?»

– Морду бы тебе, Саня, набить за такие дела! – сказал он.

– Ну-ну! Ты говори, да не заговаривайся, – привстал с кушетки Саня. – Тоже мне защитник нашелся. Иди отсюда пододру-поздорову, а то сам провожу тебя к помойке, где твой ворюга валяется!

Старик не ожидал, что он сделает то, что сделал в следующее мгновение. Подскочив к обидчику, он ухватил того за шею и прижал его голову к столу так, что левая Санина щека оказалась в тарелке с салатом. Старик крепко держал толстую, в складках, шею большим и средним пальцами, а указательный упирался в затылок Метелкина под косточку.

– Пусти! – прохрипел Саня.

Но старик только сильнее сжал пальцами его шею. Еще оставалась в руках силенка. Когда-то в армии его прозвали Тимоха-Пассатижи, потому что он вытаскивал пальцами из досок гвозди, вбитые почти по самую шляпку.

– Не пусти, а прости! – сказал старик и левой рукой прижал голову Сани еще глубже в тарелку. Салат поплыл через край на скатерть. – Слышишь? Не пусти, а прости. Ты ошибся, парень! Давай, говори: прости меня, дяденька!

- Ладно, прости! – хлюпая губами в салате, пролепетал тот.
- Дяденька! – повторил старик. – Прости, дяденька! Ну!
- Прости, дяденька! – выдавил Саня нужные слова.

Старик отпустил шею бывшего милиционера, вытер ладонь о его майку и, ни слова больше не сказав, вышел из дома, только у калитки повернулся и плюнул на дорожку, вымощенную брусчаткой. Вслед ему с веранды раздавался мат и угрозы. Но старик их не слышал.

В огороде за домом, в дальнем углу, где стояло высохшее дерево облепихи, старик выкопал глубокую яму. Он завернул kota в свою рыбацкую рубашу и, опустившись на колени, бережно опустил сверток на дно. Потом забросал землю, притоптал ее, не оставив никакого холмика. Молча постоял и ушел в дом.

Вечерело. Солнце еще некоторое время освещало верхушки вымытых дождем яблонь, а потом скрылось, оставив после себя только красное зарево, предвещающее на завтра ветер. Вскоре и оно погасло. И сразу стало прохладно.

Не зажигая в доме огня, старик прошел в кухню, достал из шкафчика початую бутылку водки, плеснул в стакан. Он выпил водку одним глотком, поставил стакан на стол. Посмотрел на икону святого Николая, на фотографию в рамке и сказал громко и твердо:

- Всё. Больше меня ждать некому!